

Николай Федорович ПОГОДИН

ОН ЖИВЕТ В СВОИХ КНИГАХ, ПЬЕСАХ, КИНОФИЛЬМАХ

ОСТРОЙ болью пронизала наши сердца трагическая весть о смерти Николая Федоровича Погодина, одного из лучших писателей, крупнейшего мастера драматургии. Болью и глубокой скорбью наполнились сердца писателей, актеров, деятелей театра, кино, сердца миллионов читателей, зрителей.

Николай Погодин пришел в театр в годы первой пятилетки. И вместе с ним на сцену ворвалась шумная, веселая, победоносная армия землекопов, сталеваров, транспортников, инженеров и grabарей, бетонщиков и электриков, вчерашних неграмотных лапотных крестьян, а сегодня — строителей новой жизни. Он первый дал путь в искусстве образам, которых до него на сцене еще никогда не было. Он показал высокую романтику дней героических пятилеток, бурный расцвет и рост людей в условиях невиданных темпов созидания. И первая его пьеса, с триумфом обошедшая театры страны, называлась «Темп». Героями ее были строители первого тракторного завода-гиганта на Волге...

Мы встречались с ним там, на берегу Волги и Сухой Мечетки, у траншей и котлованов для будущих цехов. Оба были корреспондентами газет. Николай Федорович, в ту пору уже известный очеркист «Правды», молодой, энергичный, резкий. Он был неутомим. Вставал в пять утра, а ложился... Да и ложился ли? Его очерки были образцом боевой советской журналистики тех лет...

Спектакль «Темп» на сцене Театра имени Евг. Вахтангова с Б. Щукиным в роли сезонника-землекопа вызывал смех, и слезы, и взрывы восторга в зрительном зале. Оказалось, что траншея землекопов, леса строительства, опалубка и тепляки, лапти, валенки, ватники — сценичны! Сценичны и разговоры: будет ли в срок построен завод? Погодин живо и убедительно нарисовал образы, казавшиеся до него невозможными на сцене.

А следом за «Темпом» — «Поэма о топоре». Да, поэма о золотых металлах, выплавляющих уральскую сталь, и вдохновенный Дмитрий Орлов в роли нового Левши — уральского сталеплавыльца.

А потом «После бала» с М. Бабановой в роли юной колхозницы Маши. Затем — «Мой друг» с М. Астанговым в роли начальника огромного строительства в Сибири. И «Аристократы». А потом...

В издательстве «Искусство» вышло собрание пьес Николая

Погодина. Здесь далеко не все произведения — только главные. Но по этим пьесам видны и годы первых пятилеток, и предвоенные грозные дни — вспомните «Падь Серебряную» — о славных наших пограничниках, и трудное время Великой Отечественной войны. А после войны — годы восстановления страны, и комедии о молодежи, и замечательный «Сонет Петрарки» — страстное обличение мещанства, и повесть «Янтарное ожерелье» — о строителях Москвы, и «Цветы живые» — о бригадах коммунистического труда.

Наверно, нет ни одного актера или режиссера, который бы не ставил пьес Николая Федоровича Погодина или не играл в них. Имя его связано с такими замечательными мастерами, как А. Д. Попов, Н. П. Охлопков, Р. Н. Симонов, Е. О. Любимов-Ланской, И. Л. Шлепянов, М. Н. Кедров, Б. В. Щукин, М. М. Штраух, М. Ф. Астангов, С. О. Юткевич, М. И. Бабанова, Д. Н. Орлов, Б. А. Смирнов, Л. С. Вильен.

За трилогию о Ленине — фундаментальный труд жизни писателя, который надолго останется на вооружении у советского народа, — Н. Ф. Погодин был удостоен высокого звания лауреата Ленинской премии. «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», «Третья патетическая» — пьесы, показывающие великого вождя человечества. Это подлинно новаторские произведения, смелые, взволнованные, революционные.

Н. Ф. Погодин был писателем-революционером, поэтом коммунизма, ярким вратом человеческой гнусности, стяжательства, мещанства, обывательщины. К нему вполне и во всем применимы слова Н. С. Хрущева о писателях — он был верным помощником Коммунистической партии. Он был непримирим к злу и был восторженным пропагандистом коммунизма. Среди нас, драматургов, он был, как Маяковский, — агитатор, горлан, главарь. И к нему невозможно применить глагол **был**. Он **есть**. Он живет в своих пьесах, книгах, кинофильмах. Он живет и будет долго жить в памяти нашего поколения и в сознании поколений будущих. Образы передовых борцов человечества, созданные и запечатленные Н. Ф. Погодиным в его творениях, будут вооружать, как и раньше, на новые свершения, на новые подвиги.

Нам, его соратникам и товарищам по оружию, очень горько сейчас. Мы лишились чудесного друга, воспитателя молодежи, требовательного учителя, горячего и доброго человека. Он был удивительно талантлив, широк и щедр. Он много бы еще мог создать.

Мы счастливы, что жили и работали бок о бок, рука об руку с замечательным писателем Николаем Федоровичем Погодиным.

Исидор ШТОК

БЕСКОНЕЧНО ДОРОГОЙ

У МЕР бесконечно дорогой советскому искусству человек, художник божьей милостью Николай Федорович Погодин.

Для нас, актеров Театра имени Маяковского, это особенно ощутимо — десятки лет дружил наш театр с Николаем Федоровичем. Часто раздавался на репетициях громкий радующий всех нас голос Погодина. Порой критические, нелицеприятные, строгие, но всегда значительные, умные, необходимые слова говорил драматург своим актерам.

Незабываемы выступления Николая Федоровича после репетиций его спектаклей — мы называли их «погодинскими рецензиями». Незабываемы часы, когда драматург читал в театре новую свою пьесу. Он читал негромко, мягким глубоким голосом. Но когда актер репетировал впоследствии роль, он непременно обращался к погодинским интонациям, к его интерпретации образов.

Когда несколько лет назад в спектакле «Сонет Петрарки» мне была поручена роль секретаря горкома, мы много беседовали с Погодиным о характере партийного секретаря, справедливого, большого человека.

— Вот такой он у меня, — говорил Николай Федорович о герое своей пьесы, — интересный человек, верно? Вы уж найдите его характер, характер-то не простой!..

Я понял тогда, что образы драматурга конкретно живут в его представлениях, что он, как сказочные гонимые, способен вдохнуть жизнь в свои создания.

Спектаклям Погодина всегда был присущ напряженный, строгий ритм. Я бы сказал, что у пьес Погодина существовала какая-то неповторимая тональность — эхо своего времени...

Непостижима смерть, невозвратима утрата, бездонна пропасть нашего горя — умер Николай Погодин.

Лев СВЕРДЛИН,
народный артист СССР

ЕГО ТЕАТР

ПОТЕРЯ огромна. Нет с нами человека, чей потрясающий дар создал вошедшие в сокровищницу советского театрального искусства пьесы. Нет Николая Федоровича Погодина.

Не могу забыть прекрасное его суровое лицо, прищур внимательных глаз. Кажется, что зазвонит телефон и знакомый любимый голос скажет: «Нет, это неправда. Погодин жив!».

Да, Погодин жив! Ибо жив и будет всегда жить Театр Погодина. Существовал Театр Островского, Чехова, Горького. Мы вправе сказать, что пьесы Николая Погодина — это целая эпоха в нашем искусстве.

В Театре Погодина задует ветер нашего времени. Образы его героев так правдивы и конкретны, что кажутся поднимавшимися на театральные подмостки из зрительного зала. Но главное в творчестве драматурга — образ Ленина. Только двоим в советской литературе — Маяковскому и Погодину — выпало огромное счастье создать такой по-настоящему верный образ вождя революции, великого и простого Человека. Мне кажется, Погодин смог написать блестящую свою трилогию о Ленине потому, что видел образ Ильича отраженным в глазах советских людей — рабочих, интеллигентов, крестьян. Видел эпоху, видел время.

Это его точное видение заметила еще Мария Ильинична Ульянова в те времена, когда Погодин был рабкором «Правды».

Патетическая трилогия о Ленине представляется мне произведением живописи по яркости, сочности красок, по значимости деталей и образов. Замечательные люди живут в пьесах Погодина. Незабываема сцена на сталелитейном заводе из «Третьей патетической». Драматург называл ее сценой прощания Ильича с рабочим классом. С волнением спрашивал он меня: — Ты прочел в «Правде» отры-

вок из пьесы — Ленин говорит со сталеварами?

С трепетным душевным вниманием относился Николай Федорович к моей работе над образом Ленина. Помню, как на генеральной репетиции «Кремлевских курантов» Погодин подошел к рампе и тихо сказал мне:

— Все хорошо, Борис, но прошу тебя надеть в спектакле темно-красный в белую горошинку галстук — такой носил Ильич, и Щукин в костюме Ленина завязывал такой же.

Разумеется, я выполнил просьбу Погодина. И этот галстук в моем актерском гардеробе — драгоценная реликвия Театра Погодина — необыкновенного, потрясающего сердца людей реалистического театра.

Соединение страстности партийного писателя с мудростью и эрудицией неутомимого исследователя — вот чем покоряет нас Погодин. Актеры с желанием, с горячим энтузиазмом работали над ролями в его пьесах. И как Островский, Чехов, Горький создали целые поколения актеров своей драматургией, так пьесы Погодина создали блистательное поколение актеров советского театра: Щукин, Астангов, Бабанова, Дм. Орлов и многие, многие другие.

Я играл Ромео, Гамлета, Павку Корчагина. Я работал в разных жанрах, в спектаклях разного колорита и темперамента. Но приход в театр Погодина стал колоссальнейшим событием моей жизни, изменившим, перевернувшим ее.

Николай Федорович никогда не навязывал актеру своих вкусов, он был поразительно тонок, тактичен по отношению к чужому творчеству. Но он всегда умел подсказать артисту что-то самое необходимое, сокровенное.

Я глубоко любил Николая Погодина. Он был для меня старшим другом, близким по сердцу человеком. И не только для меня — для всех, кто соприкасался с его трепетным творчеством на сцене, в зрительном зале, в жизни.

Борис СМЕРНОВ,
лауреат Ленинской премии,
народный артист РСФСР

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ДРУГ

НЕ БУДУ говорить о том, как велика и невозполнима утрата, которую понесла наша литература со смертью Николая Федоровича Погодина. Об этом уже сказано, как сказано и о выдающемся значении его драматургии.

В этот скорбный день мне хочется сказать о том, что от нас ушел замечательный друг, товарищ, необыкновенно чуткий и отзывчивый человек.

Мое знакомство с Николаем Федоровичем Погодиным началось больше 30 лет тому назад, когда он работал заведующим литературной частью Театра революции и дружески помогал мне своими советами по пьесе «Двенадцатый». И в дальнейшем, став уже известным писателем и общественным деятелем, Николай Федорович всегда был для меня и всех других товарищей по перу тем же чутким другом, умевшим честно и смело говорить правду и в глаза человеку, и в его защиту.

Трудно поверить, что среди нас уже нет этого строгого на вид, мудрого друга с удивительно большим и добрым сердцем.

Борис БАРКОВ